

Т.Садыков
д.ф.н., профессор
Бишкек государственный университет им. К.Карасаева,
tash_sadykov@mail.ru
Али Муслу
соискатель,
Бишкек государственный университет им. К.Карасаева,
a.muslu@tika.gov.tr

ОБ ИСТОРИИ ТЮРКСКОЙ ФОНОЛОГИИ И МОРФОНОЛОГИИ

Аннотация

Морфонология определяется как сфера, промежуточная между морфологией и фонологией, главная функциональная назначение которой состоит в организации экспонента морфемы. Существует множество взглядов относительно тюркской фонологии и морфонологии. В статье обсуждаются история формирования тюркской фонологии и морфонологии.

Ключевые слова: тюркские языки, фонология, морфонология, история вопроса, существующие взгляды и концепции.

About the history of the Turkic phonology and morphonology Annotation

Morphonology is defined as a sphere intermediate between morphology and phonology, the main functional purpose of which is to organize the exponent of the morpheme. There are many views on Turkic morphonology. The article discusses the history of the formation of Turkic phonology and morphonology.

Key words: Turkic languages, phonology, morphonology, history of the issue, existing views and concepts.

В 20-30-е годы XX века, когда интенсивно разрабатывались вопросы звукового и грамматического строя в связи с созданием графики и орфографии тюркских языков, тюркская фономорфология, опираясь на собственную почву, смогла не только обнаружить и описать исконные черты строя родственных языков, но и выработать основополагающие идеи, которые впоследствии так или иначе послужили толчком для развития некоторых фонологических направлений, в частности, Лондонской фонологической школы просодического анализа [8]. Это связано с именами целого поколения исследователей и прежде всего ученых-просветителей А. Байтурсынова, И.Арабаева, К.Жубанова и К. Тыныстанова, ставших жертвами репрессий 37-го года. Этим ученым не суждено было представить целостное изложение своих взглядов на проблемы фонологии и морфонологии тюркских языков. Тем не менее их научные наследия и практические решения вопросов графики и орфографии пронизаны идеями

сингармонизма [2-3; 7; 20-23].

У А.Байтурсунова, подошедшего к сингармонизму со стороны слова, превалировала идея о неразрывном единстве слова и сингармонизма и, следовательно, невозможности существования тюркского (казахского) слова вне сингармонизма. Он глубоко понимал, что сфера действия сингармонизма носит глобальный характер и в равной мере распространяется как на составляющие слова, так и на слово в целом. Практическое воплощение этой идеи осуществлено в "талантливом проекте казахской орфографии", где каждое слово характеризовалось наличием или отсутствием особой сингармонической пометы [10: 119]. Эта идея, как уже отмечалось, успешно развивается в Лондонской фонологической школе просодического анализа.

Аналогичная идея прослеживается и в трудах К. Тыныстанова [20-23]. В отличие от А.Байтурсунова, он уделял внимание на раскрытие механизма реализации сингармонизма. Это стало возможным благодаря созданию логических основ исчисления словоформ путем комбинации слоговых типов как минимальных носителей сингармонизма. Он обосновывал положение, что сингармоническое воздействие первого слога на третий осуществляется через посредство второго [20-23]. По-видимому, именно это дает основание Е.Д.Поливанову считать К. Тыныстанова одним из основателей теории морфонологии: «И тот факт, что т. Тыныстанов не просто прислушался к последнему слову западной науки, а наоборот - самостоятельно пошел по параллельному пути, создав собственную морфонологию кыргызского языка (хотя и не называемую им этим именем), уже сам себе достаточно говорит о значительности достижений киргизского лингвиста. Этим я вовсе не хочу сказать, однако, что все вопросы морфонологического характера уже разрешены для киргизского языка Тыныстановым. Но во всяком случае сделано им уже достаточно для того, чтобы практические вопросы орфографии могли решаться на твердой базе теоретического материала» [9]. Более того, К.Тыныстанов по праву мог бы называться и основателем тюркской генеративной лингвистики. Разумеется, раскрытие подлинного значения научного наследия К.Тыныстанова, равно как и А.Байтурсунова, - это дело будущего [12-15].

Источником многих недоразумений в тюркской фонологии является трактовка звукового состава корня и аффикса. Эта антиномия одним из первых был отмечен И.А.Богородицким: «Вокализм корня представляет одну существенную особенность сравнительно с вокализмом придаточных морфем: в нем гласные выступают каждый в своей индивидуальности без чередования с другими гласными, тогда как в придаточных морфемах гласные ограничены двумя основными типами – либо гласный широкий, либо узкий, видоизменяющиеся сообразно с вокализмом корня в отношении палатальности или непалатальности, а также губности или ее отсутствия» [4: 117]. Эта антиномия была отмечена также Н.Трубецким [19: 113]. Сам Трубецкой наличие этой антиномии склонен был видеть только в вокализме, а именно: в вокализме корня различение всех восьми гласных, а в вокализме аффикса - нейтрализацию таких гласных по признакам тембра и огубленности: «В тех тюркских языках, где последовательно осуществляется так называемая гармония гласных, приведенная выше система

наличествует в полном объеме, то есть фонологически значимом виде, лишь в первом слоге слова; во всех прочих слогах тембровые противоположения нейтрализуются, и тембровые признаки гласных непервого слога в своей реализации равняются на гласные предшествующего слога» [19: 113]. На этом основании для вокализма аффикса он постулировал наличие двух архифонем, различающихся по признаку подъема и не различающихся по остальным двум признакам. Это решение, однако, входит в противоречие с определением архифонемы, сформулированным самим же Трубецким: об архифонеме можно говорить только применительно к одномерным оппозициям, в пределах которых две фонемы, различающиеся одним фонологически существенным признаком, перестают различаться [19: 84].

Существующие решения этого вопроса на самом деле являются разновидностями трактовки Н.Трубецкого. В этих решениях, как и у Трубецкого, речь идет в основном только о вокализме [8; 10-11]. Что касается аспекта проблемы, который связан с наличием мены согласных на стыке морфем, совершенно выпал из поля зрения исследователей.

Когда обнаруживаются факты, противоречащие теории, по-видимому, существует два пути выхода из создавшейся ситуации. Первый путь - отбросить старую теорию, создав в замен ее новую. В ракурсе обсуждаемых проблем применительно к казахскому языку, это было сделано А.Жунисбеком, изложившим основные положения теории сингармонической фонологии или сингармонологии в двух своих монографиях [6]. Второй путь - предложить новую версию существующих теорий, приводя ее в соответствие с фактами языка, что и было сделано в наших исследованиях.

Суть основных положений нашей концепции сводится к следующим позициям:

1. Тюркские языки обладают автономными системами как фонем, так и морфем. При этом фонемы и морфемы выступают как изоморфные по фреймструктуре единицы, главное функциональное назначение которых заключается в том, чтобы быть компонентом исходной формы морфемы.

2. Базой для формирования фонемы служат корневые морфемы, а для образования морфемы - аффиксальные. Звуковая сторона корневых морфем задает программу для функционирования аффиксальных морфем и тем самым регламентирует сферу действия источников алломорфии аффикса, прежде всего - явлений сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции и др.

3. Звуковая сторона аффиксальных морфем является внутрисистемным отражением, представляющим модель звуковой стороны, следовательно, систему фонем корневых морфем. Корневые фонемы обычно бывают позиционно закрепленными и контекстуально необусловленными, а аффиксальные фонемы, будучи распространителями определенных субстанциональных свойств корневых фонем, - позиционно закрепленными, но контекстуально обусловленными. Свойства корневых фонем делают их относительно устойчивыми, свойства аффиксальных - относительно изменчивыми, но только в строгих рамках сингармонизма и чередующихся в определенной позиции фонем. Отбор и распределение участников чередования происходит не случайно, а

целенаправленно, исходя из принципа наличия субстанциональной общности в их признаковом содержании. В частности, согласные отбираются чаще всего по гоморганности (ср. чередования гоморганных согласных типа *н~д~т*, *л~д~т* в кыргызском, *н~д~т~з*, *л~д~т~зв* башкирском языках), реже - по гомогенности (ср. исторические соответствия гомогенных согласных типа *л~ш*, *р~з*), гласные - по раствору (ср. распределение аффиксальных гласных по раствору в кыргызском языке: *ы~и~у~ү*, *а~е~о~ө*), реже - по огубленности (ср. распределение аффиксальных долгих гласных по огубленности в кыргызском языке: *уу~үү*, *оо~өө*).

4. Наличие альтернатив фонем, участвующих в чередовании в аффиксе, делает актуальной задачу установления тождества и различия таких фонем. Это в высокой степени способствует структуризации звукового пространства как самих аффиксов, так и корней и, следовательно, идентификации дифференциальных признаков системы фонем в целом. При этом признаки, общие для чередующихся фонем, выступают в качестве основания для их отождествления (например, для гласных *ы~и~у~ү* отождествляющим является верхний подъем, для гласных *а~е~о~ө* идентифицирующим - нижний подъем), а признаки, индивидуальные для альтернатив, - для их различения (например, в пределах гласных *ы~и~у~ү*, *а~е~о~ө* различительными являются признаки огубленности и тональности).

5. Адаптированность свойств аффиксальных фонем к свойствам корневых фонем обеспечивает системе в целом выигрыш в том, что и те, и другие становятся субстанционально однородными по линии их признакового содержания. Однако такая однородность компенсируется неоднородностью распределения функций фонем и их ДП в корнях и аффиксах.

6. Корневые фонемы и их ДП имеют все возможности для полной реализации своих функций, в том числе и функции смысловозначения (ср. корнитипа *сыз* 'сырость'; 'чертить', *сиз* 'вы', *суз* 'хмурый'; 'черпать', *сүз* 'бодать', 'цедить', 'плавать', в составе которых полностью реализованы ДП всех фонем, как согласных, так и гласных), а у аффиксальных эти возможности ограничены (ср. четыре сингармонические варианты аффикса лишения типа *-сыз/-сиз/-суз/-сүз*, в контексте которых смысловозначительную функцию у гласных имеет только признак подъема).

Часть признаков у корневых фонем выполняют еще и дополнительную, кванторную функцию, указывающую на принадлежность корня к определенному виду сингармонизма. Таковы для корневых фонем сингармонически активные признаки тональности и огубленности:

	<i>ат</i>	<i>ит</i>	<i>уй</i>	<i>үй</i>
ы	—	х	—	х
и	х	—	х	—
у	х	х	—	—
а	—	—	х	х

где *ы,и,у,а* - соответственно кванторы веллярного (твердого тона), палатального (мягкого тона), огубленного и не огубленного видов сингармонизма. Сплошная

линия под слогом показывает на сферу действия вида, а крестики – отсутствие действия данноговида. При этом тональные кванторы являются основными видами сингармонизма, тогда как резонансные по огубленности кванторы – дополнительными видами, которые сопровождают одного из основных видов: либо велярный вид, либо палатальный вид.

Как видим, корневые основы *am* ‘лошадь’, *uy* ‘корова’ произносятся одинаково твердым тоном, но у последней при сопровождении огубленного резонанса, а у первой – неогубленного резонанса. Корневые основы *im* ‘собака’, *iy* ‘дом’ отличаются от них только мягкотональным произношением при совпадении резонансных видов. Следовательно, у корневых фонем признаки тональности и огубленности одновременно выполняют как функцию смысловоразличения, так и кванторную функцию сингармонического оформления корня.

В аффиксах признаки, выполняющие кванторносингармонические функции, отделены от признаков, выполняющих смысловоразличительную функцию. Кванторносингармоническая функция в аффиксальных фонемах наличествует только в потенции и актуализируется в контексте словоформы в результате наложения кванторов сингармонизма корня на аффикс. Ср. схему сингармонического воздействия рассмотренных корней на показатели *-сыз/-сиз/-суз/-сүз* аффикса лишения в контексте сингармонически цельнооформленных производных *am-сыз* ‘безлошадный’, *im-сиз* ‘безработный’, *uy-суз* ‘тот, кто не имеет корову’, *iy-сүз* ‘бездомный’:

	<i>am-сыз</i>	<i>im-сиз</i>	<i>uy-суз</i>	<i>iy-сүз</i>
ы	————	х х	————	х х
и	х х	————	х х	————
у	х х	х х	————	————
а	————	————	х х	х х

Отмежевание смысловоразличительной функции от других функций происходит для аффиксальных фонем и в позиции чередующихся согласных. Последние функции вместе с их носителями (признаками) также наличествует в потенции и могут актуализироваться в контексте словоформы в результате действия явлений ассимиляции и диссимиляции на стыке корня и аффикса.

7. Функциональная неравнозначность корневых и аффиксальных фонем, с одной стороны, и спецификация признаков фонем по линии разграничения их смысловоразличительной и несмысловоразличительной функций, с другой, в конечном итоге ставит перед тюркской системой задачу формирования дополнительной единицы для аффиксов-морфемы, которая могла бы выступать, как и фонема, в качестве компонента морфемы, но уже не корневой, а аффиксальной, притом только в позиции чередующихся фонем. Наличие автономной системы морфем позволяет тюркским языкам придать максимальную гибкость в использовании автономной системы фонем как в корнях, так и в аффиксах.

Различие между фонемой и морфемой состоит в следующем:

1) в пределах исходной формы морфемы фонема характеризуется только

заполненными валентностями, т.е. полным набором ее ДП, а морфонема - как заполненными, так и пустыми валентностями. Заполненные валентности у морфонемы формируются набором ДП, общих для чередующихся фонем, а незаполненные, пустые валентности - набором ДП, индивидуальных для функционально сильной фонемы в ряду чередующихся альтернантов;

2) в пределах алломорфа морфемы путем реализации пустых валентностей происходит выравнивание признакового содержания морфонемы и фонемы. Этим самым осуществляется переход морфонемы в функционально сильную фонему, представляющую позицию чередующихся фонем. На этом основании разрешается фундаментальная для тюркских языков антиномия фонологии корня и фонологии аффикса, которая была отмечена Н.Трубецким;

3) в пределах алломорфа морфемы фонема обретает еще дополнительные валентности, при заполнении которых она характеризуется максимальным набором, включающим как ДП, так и ИП. Заполнение пустых валентностей фонемы в этом случае происходит в результате воздействия контекстов как оси одновременности, так и оси последовательности. Для морфонем как таковых оно осуществляется вне зависимости от условий контекстного окружения, но по управляющему сигналу, поступающему от вышестоящих уровней системы, т.е. от уровня морфем, слов и др.

В-третьих, результаты наших исследований можно рассматривать и в морфонологическом ключе. В этом случае во весь рост встает круг проблем, связанных с определением объекта морфонологических исследований и выявлением природы и функции морфонологических единиц и явлений.

Исследование показало, что из трех выделенных Н.Трубецким разделов общей морфонологической теории [18: 116-117] приемлемыми для тюркских языков являются только первые два, но при этом надо сделать следующие оговорки:

1. *Теория фонологической структуры морфемы.* Как было показано в [14], существующие фонологические концепции, в том числе и концепция Н.Трубецкого, не отвечают в полной мере своеобразию строя тюркских языков. Следовательно, здесь, во-первых, речь должна идти не о фонологической, а морфонологической структуре морфем, во-вторых, под морфонологической следует понимать структуру исходной формы морфемы, компонентами которой могут быть не только фонемы, но и морфонемы (см. выше), в-третьих, исходную форму морфемы следует отличать от ее основного варианта: первая выступает в роли двойного означающего, как значения морфемы, так и ее основного варианта, тогда как основной вариант - только реально зафиксированных вариантов. При этом исходная форма, выступающая в качестве инварианта всех реально зафиксированных вариантов, определяется путем синхронической реконструкции архетипа морфемы.

С другой стороны, компонентами основного варианта могут быть только фонемы и притом функционально сильные для данной позиции, в которой фонемы представлены полным набором как ДП, так и ИП. А компонентами исходной формы могут быть как фонемы, так и морфонемы, при том, что фонемы здесь представлены только минимальным набором, содержащим чистые ДП. При этом существует только один путь для перехода от исходной формы к основному

варианту морфемы и наоборот, т.е. переход от первой к конкретному варианту опосредован переходом от нее к основному варианту.

2. *Теория комбинаторных звуковых изменений*, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях. Это положение Н.Трубецкого приемлемо для тюркских языков в следующей редакции: *теория порождения алломорфов морфемы*. Эта формулировка предполагает включение всех источников алломорфии, а именно: явлений сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции, элизии (опущение фонем), аугментации (добавления фонем), метатезы (перестановки фонем) и др. Таким образом, все источники алломорфии тюркских морфем целиком относятся к морфонологическим явлениям, которые оперируют только фонемами, т.е. единицами автономной системы фонем того или иного тюркского языка.

3. *Теория звуковых чередований*, выполняющих морфологическую функцию. Если эту формулировку Н.Трубецкого понимать как внутреннюю флексию, характерную для флективных языков, то очевидно нет особой необходимости для ее распространения на тюркскую почву. Однако не исключена возможность, что такая потребность может возникнуть при разработке проблем, например, диахронической морфонологии. Если же рассматривать ее как чередование, выполняющее функцию вхождения морфем в словоформу по виду сингармонизма, то она автоматически попадает в компетенцию предыдущего пункта.

Итак, в нашей концепции основной объект морфонологии представлен в двуединстве статики и динамики. Это вытекает из следующих позиций:

1) главная цель морфонологии заключается в том, чтобы установить инвариант вариантов морфемы и определить набор правил, обеспечивающих порождение по инварианту всех ее вариантов. Таким инвариантом является исходная форма морфемы, компонентами которой могут быть не только фонемы, но иморфонемы. С синхронической точки зрения исходная форма морфемы представляет собой статический объект системы и динамический - процесса порождения речи (текста);

2) с диахронической точки зрения как исходная форма (архетип) морфемы, так и процесс ее трансформации представлены в динамике. Следовательно, синхронический архетип морфемы может совпадать или не совпадать с ее диахроническим архетипом. Механический перенос данных диахронии в синхронию здесь исключается, хотя ясно, что синхрония в скрытом виде воспроизводит диахронические моменты развития языков;

3) совпадение данных синхронии и диахронии может иметь на уровне алломорфов морфемы, т.е. тогда, когда речь идет о тождестве одного из вариантов, чаще всего - основного варианта, с ее проформой.

Таким образом, критерии определения объекта морфонологии и установления ее границ исходят из самого устройства тюркского слова и составляющих морфем. Эти критерии базируются на том, как и на базе чего происходит порождение тюркской словоформы, и гласят: основным объектом морфонологии являются исходная форма морфемы и так или иначе соотнесенные с ней ее варианты, а также правила, по которым от исходной формы происходит

порождение всех вариантов.

Правила порождения вариантов морфемы - это суть действия источников алломорфии, т.е. таких, как явление сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции, элизии, аугментации, метатезы, суперпозиции и др. Следовательно, и они подпадают в рубрику объекта морфонологии.

Правила, определяющие сферу действия источников алломорфии, изначально являются морфонологическими в силу закрепленности их за определенной позицией морфемы. Однако они могут обуславливаться разными контекстуальными условиями. Большая часть из них реализуется лишь в условиях фонологического контекста. Таковы правила чередования фонем по законам сингармонизма и стыка морфем.

Другая часть правил характеризуется тем, что для их реализации, кроме фонологического контекста, требуется наличие и определенных морфологических или лексических условий, т.е. сфера их действия распространяется только на часть определенных морфем или лексем. Таковы, в частности, правила выбора одного из синонимичных показателей каузатива, правила опущения, добавления, перестановки фонем, правила, определяющие тип склонения именных основ и тип спряжения глагольных лексем.

Различие морфонологических правил может выражаться и по линии их соотнесенности с морфемой. Как уже отмечалось, наличием такой соотнесенности характеризуется только первая из них, т.е. те, которые действуют в позиции чередования. Поскольку морфема может выделяться только в позиции, где происходит чередование либо коррелятивных фонем, либо других фонем рядом с коррелятивными, соотнесенность этих правил с морфемой не прямая, а косвенная. Это объясняется с тем, что для перехода морфемы в функционально сильную фонему необходимо использовать другое правило, которое имеет контекстуально независимый характер своего применения. Следовательно, этим и отличаются морфемные правила от всех прочих правил.

Тюркские языки могут характеризоваться наличием как сходств, так и различий в сфере использования морфонологических правил. Сходства и различия этих правил могут проявляться как по линии результатов их действия, так и в контекстуальных условиях их реализации. Примером для демонстрации этих особенностей могут служить, в частности, правила, определяющие типы склонения именных основ в тюркских языках [1:71-77,132,136-137,144-145,151-154,156-157; 13].

Тюркские языки знают только два типа склонения: тривиальный и нетривиальный типы:

Падеж	Тип склонения	
	Тривиальный	Нетривиальный
Основной	Ø	Ø
Родительный	-нын	-ын
Винительный	-ны	-ы (>Ø)
Дательный	-га	-а
Местный	-да	-да

Исходный	-дан	-дан (>-ан)
----------	------	-------------

Единственным критерием, определяющим тип склонения именных основ, служит наличие или отсутствие начального согласного у показателей род., вин. и дат. падежей. Привлечение других критериев, основанных на учете возможных изменений в основе и дополнительных изменений в аффиксе, представляется в этом случае теоретически несостоятельным в силу того, что это приводит к нарушению единого логического основания, используемого при выделении данных типов. Однако такая информация полезна для установления подтипов внутри каждого типа.

Правило тривиального типа сохраняет анлаут у падежного аффикса, а правило нетривиального типа его лишает. Эти морфонологические правила являются общими почти для всех тюркских языков. Исключения могут составлять лишь чувашский и, возможно, якутский языки. Различие тюркских языков здесь проявляется только в условиях реализации этих правил, т.е. в том, какие именно основы подпадают под действие этих правил.

Унификацию условий реализации типов склонения обнаруживают огузские языки и в особенности турецкий язык. В последнем правило тривиального склонения реализуется только после основ на гласный, а правило нетривиального - после основ на согласный. Так, например, склонение основ *куту*~ *kutu* 'коробка', *кыз*~ *kız* 'девочка', *сен*~ *sen* 'ты' в кыргызском и турецком языках имеет следующую парадигму:

О.	куту-Ø	kutu-Ø	кыз-Ø	kız-Ø	сен-Ø	sen-Ø
Р.	куту-нун	kutu- nun	кыз-дын	kız-in	сен-ин	sen-in
В.	куту-ну	kutu-yu	кыз-ды	kız-ı	сен-и	sen-i
Д.	куту-га	kutu-ya	кыз-га	kız-a	саг-а	san-a
М.	куту-да	kutu-da	кыз-да	kız-da	сен-де	sen-de
И.	куту-дан	kutu-dan	кыз-дан	kız-dan	сен-ден	sen-den

Эти данные как будто свидетельствуют о том, что кыргызский и турецкий языки сильно расходятся в рассматриваемой сфере. Однако это совсем не так. Эти расхождения имеют поверхностный характер и вызваны они особенностями распределения правил, определяющих тип склонения. Глубинные сходства, обусловленные генетическими связями двух языков, проявляются с большей рельефностью в местоименных парадигмах, в частности, в парадигме склонения местоимения *сен*~*sen*. Если сравнить парадигмы склонения данного местоимения, то невозможно не заметить, что и в том, и в другом языке падежные показатели полностью совпадают. А именно: род., вин. и дат. падежи имеют показатели, лишенные анлуата. Ср. кырг. род. -*ин*, вин. -*и*, дат. -*а*; тур. род. -*in*, вин. -*i*, дат. -*a*. Наличие этих показателей, тождественных для род., вин. и дат. падежей, регламентировано одновременным действием правила нетривиального склонения в обоих языках.

Расхождение наблюдается лишь в одном случае: в кыргызском при дат. падеже местоименная основа *сен* представлена в варианте *саг-а*, тогда как турецкая основа

sen- в варианте *san-a*. Ясно, что преобразование *sen-* в *sag-* обусловлено наличием ауслатного перехода *n > ң* в местоименных корнях. Ср.: *сен-га > саң-га > саг-га > саг-а*. Правомерность такой сегментации верифицируется материалом хакасского языка, в котором у личных местоимений при дат. падеже конечный согласный основы переходит, как и в кыргызском, в *г-*, а у падежного показателя, в отличие от кыргызского, путем стяжения анлаута аффикса образуется долгий гласный. Ср. как *маг-аа, саг-аа, аг-аа* и др. [5: 146-156]. Поразительно, но факт, что это доказывается также и данными Жебраильского, Нахичеванского, Закатал-Кахского, Кедабекского и Карягийского говоров азербайджанского языка, в которых дат. падеж личных местоимений выступает в следующих формах: *magha < mag + ha, sagha < sag + ha, agha < ag + ha* и др. [17: 148-149]. Надо полагать, что эти факты вместе с карачаево-балкарскими формами типа *маңа, саңа* [24: 283] важны не только с точки зрения принятия данного решения, но и с точки зрения историко-лингвистического обоснования миграции древнетюркских племен в Евразийском пространстве.

Таким образом, кыргызский и турецкий языки в одинаковой мере характеризуются наличием идентичных правил, реализующих типы склонения именных основ. Их различие проявляется только в условиях реализации этих правил: в турецком они действуют только в фонологическом контексте, в кыргызском – как в морфологическом, так и в лексическом контекстах.

В других тюркских языках наблюдается примерно та же картина, что и в кыргызском. Они различаются между собой не количеством типов склонения, а условиями, допускающими действия правил нетривиального склонения. В одних языках сфера действия этих правил сужается. Например, в узбекском под действие правил нетривиального склонения подпадают лишь некоторые личные и указательные местоимения. А в других она расширяется, как, например, в кыргызском, кроме личных и указательных местоимений ед. числа, сюда подпадают и основы на *-ым, -ың, -ы/-сы*, а также основы на аффикс *-ныкы*, собирательные числительные на аффикс *-оо* и др. Характерно, что во всех тюркских языках организующим центром для нетривиального склонения является местоименная парадигма, а для тривиального склонения – простая именная парадигма. Все остальные именные группы распределяются вокруг этих двух центров. Часть из них может иметь в склонении характер тенденции и колебаться между тривиальными и нетривиальными типами. Задача морфонологии здесь заключается в том, чтобы правильно выявить эти тенденции и предложить соответствующие рекомендации для формирования кодифицированной нормы языка.

В заключении следует сказать несколько слов о значении результатов наших исследований для компьютеризации лингвистических исследований в тюркологии вообще и в кыргызском языкознании в частности. Эти результаты имеют прямое отношение к решению данной глобальной проблемы и могут использоваться в следующих направлениях;

1) для создания электронной базы тюркских языков как многоцелевой системы по комплексной автоматизации лингвистических исследований и инженерных разработок,

- 2) для создания программы лематизации текстовых словоформ в реестровые,
- 3) для создания систем анализа и синтеза звучащей речи в качестве лингвистической базы,
- 4) для создания систем машинного перевода с тюркских или на тюркские языки,
- 5) для создания обучающихся программ со входными тюркскими языками др.

Если верно, что тюркские языки обладают уникальным устройством и характерным для него логически четким основанием, то благодаря компьютеризации тюркское языкознание в ближайшие годы могло бы претендовать на передовые позиции в мировой лингвистике.

Литература

1. Абдувалиев И., Садыков Т. Азыркыкыргыз тили: морфология. Бишкек: Сорос-Кыргызстан, 1997.
2. Арабайуулу И., Сарсекеуулу Х. Алифбайакитөтөокуу. Уфа: 1911.
3. Байтүрсынұлы А. Тіл таглымы. Алматы: 1992.
4. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: 1953.
5. Грамматика хакасского языка. М: Наука, 1975.
6. Жунисбек А. Введение в сингармоническую фонетику. Алматы: 2009.
7. Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы: 2010.
8. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М: Прогресс, 1977.
9. Поливанов Е.Д. К. Тыныстанов. Проект новой орфографии киргизского литературного языка (рецензия) // Рук. фонд НАН КР. Инв. № 124 (18).
10. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. М: Наука, 1966.
11. Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики // Вопросы грамматического строя. М: Наука, 1955.
12. Садыков Т. Муунүндөштүгүжөнүндө // Қазақ тіл білімі: тарих, тәжірибе, болашақ. Алматы: 2011, 141-145 б.
13. Садыков Т. О сегментации падежных форм местоимений в кыргызском языке // Тюркологические исследования. Бишкек: Илим, 1986.
14. Садыков Т. Основы кыргызской фонологии и морфологии. Бишкек: Илим, 1992.
15. Садыков Т. Профессор К. Жубановилимижанаморфостатистикажөнүндө // Қазақ тіл білімінің өзекті маселелері. Проф. Құдайберген Жұбановтың 110 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары.. Алматы: 2009, 10-13-б.
16. Садыков Т., Шаршембаев Б. Кыргыз тилтаанымында колдонмо лингвистиканын башаттары // Эпос тілін зерттеудің өзекті маселелері. Проф. Есет Жұбановтың туғанына 80 жыл толуына арналған халықаралық дөңгелек үстел материалдары.. Алматы: 2011, 226-229-б.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональная реконструкция. М: 2002

18. Трубецкой Н. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М: Наука, 1987.
19. Трубецкой Н. Основы фонологии. М: 2000.
20. Тыныстанов К. Кыргызадабийтилининжаңыымласынындолбору. Фрунзе: 1934.
21. Тыныстанов К. Кыргыз тили. Морфология. Фрунзе: 1934.
22. Тыныстанов К. Лексикон киргизского языка. Фрунзе: 1934. // Рук.фонд НАН КР. Инв. 177/37-182/42; 79-84.
23. Тыныстанов К. Энетилибиз. Фрунзе: 1928.
24. Языки мира: тюркские языки. Бишкек: 1997.